

Марина СЕРОВА

САМЫЙ УСПЕШНЫЙ ПРОЕКТ ГОДА

*Меня
не проведешь*

ДЕТЕКТИВ
МАРИНА
СЕРОВА
ЧАСТЬ ПЕРВАЯ

Частный детектив Татьяна Иванова

Марина Серова

Меня не проведешь

«Научная книга»

Серова М. С.

Меня не проведешь / М. С. Серова — «Научная книга»,
— (Частный детектив Татьяна Иванова)

Частный детектив Татьяна Иванова проводит расследование загадочного убийства талантливого художника Михаила Полянова. Он словно предчувствовал скорую смерть. На его последней картине изображен неясный силуэт человека. Любовнице Михаила казалось, что она его уже где-то видела, но где и когда? Татьяне тоже знаком человек на картине, но размытые очертания не позволяют ухватиться за ускользающую нить. Но в одном Татьяна уверена: человек на картине и есть убийца. Кто же он?..

Содержание

Глава 1	5
Глава 2	14
Глава 3	19
Конец ознакомительного фрагмента.	24

Марина Серова

Меня не проведешь

Глава 1

Он сделал последний штрих и с удивлением отметил, что опять неосознанно придал очертаниям сходство с Ним. Станным образом силуэт за окном был для него олицетворением его огромнейшей ошибки и расплаты за нее. Ошибка носила вполне определенное имя. У расплаты было вполне определенное лицо.

Сегодня он закончил картину и, глядя на нее, понял, что она вобрала в себя все тревожное, что наполняло и отравляло последнее время его душу. Темная улица, одинокий фонарь и силуэт человека... Ежедневно он видел это из окна. Только человек появился сегодня. Вряд ли он имел к нему хоть какое-то отношение. Мало ли что может заставить тебя выйти из дома глубокой ночью и стоять, застыв словно памятник...

Он сжал в руках кисть, рискуя раздавить ее. Больше всего ему хотелось одним мазком покончить с силуэтом, который стал так похож на того, кто мешал ему спокойно дышать. О, если бы в жизни было все так просто и можно было бы смазать одним движением руки все мешающее спокойно жить как прежде... Если бы...

Он вздохнул. Обернулся – на кровати, разметав по подушке длинные светлые волосы, спала она. В ее сне, по-детски безмятежном, он ощутил нужный ему покой и постарался зарядиться им. Не важно, что она утром исчезнет опять и появится не скоро, как радость появляется в его теперешней жизни не часто, маленькими глотками, слишком маленькими, чтобы утолить жажду...

Он снова посмотрел на картину. Она пугала его и тем не менее притягивала взгляд. Ее аура была наполнена серыми тонами; казалось, что воздух в ней так же душен и сперт, как на улице, и темнота не дает ощущения прохлады, а только усугубляет застывшую неподвижность атмосферы. От картины исходил запах безысходности. Запах, последнее время преследующий его. Он не мог укрыться от его затхлого смрада. Он явный кандидат на психиатрическое вмешательство. Скоро его навязчивые идеи перерастут в настоящую манию преследования. Усмешка появилась на его губах, оставив глаза грустными. Созданное им пугало его. То, что он придал ночному силуэту черты своего преследователя, свидетельствовало о более чем опасной стадии заболевания как минимум. «Может быть, – подумал художник, – действительно стоит обратиться к врачу... Может быть, я придаю слишком большое значение Его роли в моей жизни. Наверно, все не стоит такого внимания». В конце концов, надо ли бояться крыс? И тем не менее все его доводы разбивались о мрачный силуэт, преследовавший его, поселившийся в его сознании и не желавший освободить от постоянного страха.

Посмотрев на женщину, мирно спящую в его кровати, он улыбнулся. Она была его лекарством. Даже от самого себя. После того как он встретил ее, многое стало легче. Вот и сейчас взгляд, брошенный на тонкую, беззащитную, спасающую фигурку, подействовал на его психику целебным бальзамом.

Он подошел к окну. Человек под фонарем повернулся, чтобы уйти. Он смотрел ему вслед и все-таки не мог избавиться от мысли, что где-то уже видел эту спину... Что ему знакомы и эта манера ходить, слегка наклонив голову, засунув правую руку в карман... Только вот вспомнить, у кого именно такая походка, отчего-то не удавалось.

Он постарался прогнать ненужные и навязчивые страхи. «Прекрати, – приказал он расстроенному воображению, – пугать себя. Кому ты нужен... Смешно подумать даже, что най-

дется некий человек, заинтересованный в моей жизни настолько, что ему будет не лень стоять под моими окнами в столь позднее время... Кому ты нужен?»

Но художник знал, что обманывает себя. Он был нужен. Именно от этого и было так страшно.

* * *

Андрей Сергеевич Чернецов, Глава фирмы «Клондайк», ранним августовским утром вернувшийся из командировки в Иркутск, подъехал к собственному коттеджу и вошел внутрь. Убранство дома говорило о том, что Андрей Сергеевич вполне устроен в нашей странной и трудной жизни. Комнаты были большими, с огромными окнами. Обстановка свидетельствовала, впрочем, не только о достатке хозяина, но и о его неплохом вкусе. Однако Андрей Сергеевич отчего-то не производил впечатление спокойного и довольного жизнью. Андрея Сергеевича занимали отнюдь не проблемы фирмы. Куда более был он озабочен собственной личной жизнью, которая, по мнению Андрея Сергеевича, явно разрушалась под действием неведомой ему стихии.

Он толкнул дверь, вознося Богу молитву, чтобы Алина была дома, мирно почивала в своей огромной кровати, видя сладкий предутренний сон. Встретив его сладкой улыбкой, обвила бы его шею своими чудесными руками с длинными пальцами. Коснулась щеки легким поцелуем... Такая теплая, еще не конца проснувшаяся... А уж если бы Алина отсутствовала, то быстро нашла бы причину, устроившую его хотя бы отчасти... Но это уже гораздо хуже, поэтому Андрей Сергеевич вторую версию постарался удалить из своего сознания за ненужностью...

Бог сегодня был добр к Андрею ровно наполовину, так как вышеупомянутая Алина была дома, но отчего-то не спала в столь ранний час, а, уже одетая, пила кофе, курила и читала журнал, расположившись в кресле-качалке у окна с видом на великолепный газон.

Он задержался в дверях, не зная, чего ему больше опасаться – холодности, последнее время частенько появлявшейся в отношении к нему у его жены, или, напротив, преувеличенной теплоты, в которой ему чудилось сознание вины и стремление ее загладить.

Она медленно повернулась к нему и улыбнулась. Судя по безграничной приветливости ее улыбки, ему следовало ожидать именно этого варианта. Несмотря на то что Андрей Сергеевич был мужчиной вполне европейским, мысль о том, что его собственная жена во время его отсутствия находилась – как бы помягче выразиться – в объятиях некоего неизвестного ему лица мужского пола, была ему весьма неприятна. Он довольно сухо поцеловал ее в щеку и спросил:

– Ты сегодня так рано встала... Почему?

Она поморщилась. В самом тоне его вопроса, в отведенных глазах чувствовалось подозрение. И чем более оно было справедливым, тем более действовало на нее раздражающе, как красная тряпка на быка. Алина закусила губу. Сейчас он опять начнет смотреть на нее глазами затравленного кролика. Отчего-то именно этот взгляд будил в ней ярость. Если бы он хоть на один час превратился в рычащего льва, ей стало бы легче. Но он был не способен на такой подвиг. Слабость его характера сначала казалась ей добротой, потом она хотела извлечь из нее пользу – все, что Алина делала, воспринималось им как должное. Если бы Алина была стервой по натуре, она бы развернулась. Но Алина не нуждалась в рабах. И вряд ли была способна играть на его чувствах. Просто так получилось. Отчего именно эта мягкость характера стала раздражать ее в нем? Сейчас она поняла – он даже не ждет ответа. Его устроит ложь. Любая ложь. Если она скажет: «Видишь ли, дорогой, я просто не ночевала дома, потому что у меня уже давно есть любовник», – он сделает все возможное, чтобы ей не поверить.

– Я всю ночь не могла заснуть – болела голова, – соврала она, – только к утру все прошло...

– Бедная моя, – облегченно выдохнул он, легко коснувшись губами ее лба, – это погода меняется...

Чувство отчаяния сдавило ей грудь. «Господи, как мне это надоело: врать, врать, врать... И никакого выхода».

В это время он думал, что ему надоело смиряться с ее враньем, знать, что это очередная ложь, и не сметь разорвать порочный круг.

– Ну ладно, – сказал он улыбаясь, – пора на работу... Времени нет даже на кофе... До вечера?

Она кивнула. Ему показалось, что в ее наклоне головы было облегчение. Он усмехнулся. Надо что-то менять. Но как? И тут он вспомнил. То, что ему предложил его друг Серебров, было отвратительным. Но если другого выхода нет, что делать?

Придя на работу, он первым делом подошел к телефону. Какое-то время стоял, уставившись на «Панасоник» с ненавистью. Вспомнилось, как однажды, расслабившись под действием выпитого, поведал Сереброву свои тревобления, а тот протянул ему телефон и сказал:

– Если ты сомневаешься, позвони по этому номеру. Это – частный детектив. Она тебе поможет разобраться, что к чему.

– Но это подло! – возмутился Андрей. – Я не должен следить за ней.

Серебров пожал плечами.

– Дело твое, Андрей, – только лучше все выяснить, чем мучиться самому и самому...

Тогда он был готов разругаться с Серебровым. Но телефон спрятал и сейчас держал его перед собой. Правота Сереброва показалась ему очевидной. Действительно, куда лучше обратиться к помощи детектива, узнать правду и уже тогда думать, что делать дальше.

В конце концов наверняка Алина окажется невиновной. А деньги... В глубине души Чернецов связывал начало своих несчастий именно с появлением в своей и Алининой жизни этого самого «презренного металла». Сначала деньги были в радость, потом их обилие привело к тому, что Алину это почему-то начало раздражать, она злилась, что не работает, что ее подруги, не имеющие подобного изобилия, явно скучают с ней, а те, кто должен стать ее подругами по новому статусу, заставляли скучать ее саму. Себя и Чернецова она именovala «новыми русскими», и в это вкладывался такой сарказм, что становилось не по себе.

Когда они поженились три года назад, она была дизайнером, а он ювелиром средней паршивости, были не очень богаты, то есть иногда им приходилось ужасно туго, и так бы все и продолжалось, если бы в один прекрасный день не объявилась его кузина из Иркутска и не предложила ему весьма прибыльное дело, связанное с алмазами. Дело пошло неожиданно резко в гору. Оказывается, разбогатеть в наше время вовсе не сложно, и уже через два года фирма «Клондайк» стала одной из крупнейших по переработке алмазов. Андрей превратился в Андрея Сергеевича, а Алина как-то потухла. Сначала Андрей думал, что это случилось из-за того, что он постоянно отсутствует дома. Частые командировки вынуждали его уезжать каждый месяц. А когда он оставался в Тарасове, работа нередко отнимала у него все время, он мог прийти домой глубокой ночью, и Алина обижалась. Возможно, у нее возникли те же подозрения, что сейчас одолевали его, а он даже не догадывался об этом тогда.

Все-таки было что-то порочное в том, что он собирался сделать. Он отдернул руку от аппарата, как от змеи. Попытался заняться просмотром отчетов. Накладные не могли полностью завладеть его вниманием, он уставился в окно. Там начинался дождь.

«Погода действительно меняется, – подумал он. – У Алины вполне могла разболеться голова».

Однако рука сама потянулась к трубке.

Он набрал номер. Долго слушал гудки. Ему очень хотелось повесить трубку. В конце концов все обойдется, встанет на свои места. Сделав движение повесить трубку, он понял, что опоздал. В трубке раздался мелодичный женский голосок:

– Алло?..

* * *

Звонок телефона отвлек меня от очень важного, на мой взгляд, дела. В это самое время я создавала шедевр из лоскутков. Изрядно потрудившись над созданием озера из моего голубого костюма (Царство ему Небесное), я в данный момент пыталась, вырезая из куска белого шелка восхитительного лебедя, которого по инструкции журнала «Бурда» требовалось присобачить (то есть прилебедить) прямо на это небесно-голубое озеро. Делом этим я была увлечена и подняла трубку с недовольством, естественным для человека, занятого скромным, но полезным трудом.

– Алло? – сказала я, продолжая крошить белый шелк с нетрезвым упорством, от всей души желая, чтобы столь некстати обеспокоивший меня ошибся номером.

– Извините, – сказал приятный мужской баритон, – наверное, я ошибся... Впрочем, может быть, мне нужен ваш муж?

От предположения, что у меня где-то может находиться некий неведомый муж, рука моя дрогнула, и шея лебедя приняла немного кривое очертание.

– Какой муж? – искренне удивилась я. – Вы кого ищете?

– Простите, – устало молвил он, – наверное, я ошибся. Мне сказали, что по этому номеру я могу найти частного детектива...

– Ага, – сказала я, – а имя поведать вам забыли... Бывает.

– Ради Бога, извините... Я не туда попал...

– Вы туда попали, – сообщила я, – имя сего детектива – Татьяна Иванова, и она здесь действительно проживает. Более того, это я и есть.

От удивления он, кажется, проглотил язык. Ну действительно, разве может женщина заниматься умственным трудом?

– Так, значит, это вы... – протянул он растерянно, – а Серебров мне ничего не сказал...

Еще бы. Сказал бы ему Серебров, что я неразумно родилась женщиной. Я очень неплохо знала этого Сереброва. Он как раз был обижен на меня за то, что я в очередной раз, взвесив все «за» и «против», предпочла отказаться от его услуг в качестве супруга.

Впрочем Серебров недолго страдал и нашел себе вполне достойную половину – коротконогую самоуверенную девицу с орлиным профилем, вцепившуюся в Сереброва сразу и намертво, а теперь эта вчерашняя продавщица косметики с прочно приклеившимися к ней манерами гризетки даже в булочную ездит на «Ауди», стискивая свой полнокровный зад с помощью комбедрессов до приемлемых размеров. Меня она, мягко говоря, ненавидит, но делает вид, что это не так, а это я ее недопонимаю. Впрочем, хватит о Сереброве. Он подослал мне клиента, выбрав не самое удачное время, может быть, поэтому и вызвал во мне такую отрицательную реакцию.

После недолгого разговора, во время которого я поняла, что мой возможный клиент то ли не уверен в правильности выбора, то бишь во мне, то ли вообще не уверен, что ему стоит пользоваться услугами детектива, мы все-таки условились встретиться вечером.

Я попыталась вернуться к своему лебедю, но он – видимо, обиженный тем, что ранее испортила ему шею, – абсолютно не получался. Поэтому я прекратила свои тщетные попытки создать из него что-нибудь путное, осознав, что мой лебедь отнюдь не желает сидеть в озере и вообще собирается превратиться в отвратительную толстую утку. Я бросила свое рукоделие и мрачно уставилась в окно. Отчего-то мысль о том, что впереди меня ждет работа, меня не

очень радовала. Впрочем, как я поняла из разговора, работа обещала быть несложной, хотя и противной. Потому что, честно говоря, я не поклонница слежки за изменяющими партнерами.

Во-первых, чувствуешь себя не очень умной, мотаясь за ними по городу, прикидываясь чайником. Во-вторых, по моему строгому убеждению, это их личное дело. Но это, по крайней мере, обещает мне относительное спокойствие. Во всяком случае, не будет убийств. Если только обманутый супруг не решит поиграть в Отелло. Но меня это уже не касается.

Мои философствования были прерваны звонком в дверь, и я возымела счастье познакомиться с Андреем Сергеевичем Чернецовым.

Признаться, сначала наш разговор не клеился. Он недоуменно оглядел мою стройную фигуру, и, как мне показалось, у него возникло желание удалиться столь же внезапно, как он и появился.

В душе моей всегда в подобных случаях возникало справедливое негодование, сменяющееся острым желанием доказать, что я отнюдь не лыком шита. Я достаточно сурово ответила на его недоуменно-беспомощный взгляд и пригласила сесть.

Поняв, что все мосты сожжены, Рубикон перейден и ему не вырваться из моих цепких объятий, он присел на краешек кресла и протянул:

– Вот, значит, как...

Потом, все-таки сообразив, что это он пришел ко мне со своими нуждами, а не я, бесовственная и развратная девица, заманила его к себе, он стал довольно вежливым, улыбнулся и изрек:

– Я не ожидал, что вы так юны...

– Я не юна, – оборвала я его снисходительную улыбку со всей возможной холодностью, – я вполне взрослая, смею надеяться, умная леди в самом расцвете творческих сил и возможностей. Посему давайте оставим комплименты и приступим к делу. Поскольку, как я предполагаю, вы пришли ко мне именно по делу, а не затем, чтобы расточать дифирамбы моей юности и красоте.

Наверно, я переборщила с излишней суровостью тона, потому что мой гость сразу съехался и сполз на край кресла окончательно. У него был очень длинный нос, и настроение хозяина он отражал потрясающе точно. В данный момент этот самый нос опустился почти к подбородку и выглядел как провинившийся школьник.

– Понимаете, Танечка, дело в том, что я не до конца уверен, что дело мое стоит вашего рассмотрения, – вздохнул Чернецов.

– Ну, уж раз вы пришли, давайте поговорим, – сказала я помягче, – тогда и будем решать, стоит оно того или нет. Считайте, что я психоаналитик или священник.

– Хорошо, – улыбнулся он благодарно.

Честно говоря, у меня сложилось впечатление, что ему просто не с кем поговорить. Вот он и решил найти во мне внимательного слушателя, на которого можно перевалить часть груза собственных проблем.

– Так вот, – начал он, посмотрев в окно отстраненным взглядом, – я очень люблю свою жену. Но в последнее время... – Он запнулся, как будто нечто мешало ему сосредоточиться или, напротив, это нечто не позволяло ему стать со мной до конца откровенным. Он явно боялся быть непорядочным в чьих-либо глазах. Вот такой мне попался реликтовый образец рефлексирующего интеллигента, неизвестно как затесавшегося в здоровую среду наших отечественных бизнесменов. Насколько мне было известно, фирма «Клондайк», коей руководил мой гость, отнюдь не относилась к числу слабых, доходы он имел немалые, так что то ли он относился к разряду «голубых воришек», то ли просто не мог до конца отрешиться от скромного обаяния буржуазии.

Рассказчиком он был тоже презануднейшим, так что вкратце история его несчастий была такова: его жена, в недалеком прошлом неплохой дизайнер, а теперь, вероятнее всего, просто

сходящая с ума от безделья дама, отчего-то стала проявлять некоторую холодность к нему и начала вести себя весьма подозрительно. У нее появилась некая подруга по имени Леля, к которой вышеупомянутая жена постоянно ездит и проводит там много времени. Помимо этого, возвращаясь, она бывает столь нежна с моим визави, на устах ее сияет столь мечтательная улыбка, что и хотелось бы ему поверить в счастье, да уж больно все это подозрительно. То ли (не приведи Господи) заболела супруга модным ныне течением нетрадиционных отношений, то ли они с этой Лелей просто действительно любят поговорить обо всем и она получает дозу общения, необходимую ей для счастья, то ли... Лелю эту он не видел ни разу. Стоит только пригласить ее в гости, как она сразу заболевает или срочно уезжает. Но она постоянно звонит.

Итак, бедный мой Чернецов, забыв про покой, начал подозревать свою возлюбленную в измене. И поделился своими опасениями с лучшим своим другом Серебровым, который посоветовал ему обратиться ко мне.

– Так я оказался у вас, – сказал он, заканчивая рассказ, и, отважившись поднять на меня глаза, тихо спросил: – Наверное, вам очень противно, да?

– А вас очень беспокоит ваше реноме в моих глазах? – осведомилась я. – Вы мой клиент – если я, конечно, возьмусь за это, но думаю, что возьмусь...

Я не стала договаривать, что мне опять стали нужны деньги, которые обладали совершенно непотребной манерой кончаться именно тогда, когда были катастрофически нужны, а свой счет мне трогать не хотелось; дело же было не пыльным, достаточно легким, а нравственная сторона вопроса уже давно перестала меня напрягать. Хочется человеку узнать, что делает в свободное от него время его жена, – флаг ему в руки.

Так что, сообщив ему приятную новость, что мои запросы достаточно велики (двести долларов в сутки плюс расходы) – это, впрочем, его не испугало, лишний раз показав, что фирме «Клондайк» не грозит разорение в ближайшем будущем, если только все работники фирмы не рванут выслеживать своих супругов, – я согласилась.

Наверно, решение обратиться ко мне было все же для него испытанием. Когда он протягивал мне фотографию Алины, руки у него предательски подрагивали.

* * *

Когда он ушел, я начала внимательно рассматривать фотографию, пытаюсь через внешний облик проникнуть внутрь. Что же, мол, ты за птица, Алина Чернецова?

Судя по фотографии, Алина была нормальной птицей. Она явно не относилась к разряду самодовольных куриц, была достаточно интеллигентна, не очень красива, но чрезвычайно мила, поскольку внутреннее содержание помогало ее взгляду притягивать к себе чужое внимание.

Одета она была просто и, опять же судя по фотографии, почти не пользовалась косметикой, то есть вряд ли подозрения ее мужа чего-то стоят. Послежу немного, успокою беднягу – и все. Мир и покой настанут в наших душах. Они перестанут сходить с ума от ревности, а я успокоюсь насчет завтрашнего безбедного существования.

Впрочем, как известно, в тихом омуте кто только не водится. Поэтому, дабы утвердиться в собственной правоте или убедиться в отсутствии оной, я прибегла к помощи моего любимого гадания и очень скоро получила ответ, что «непредвиденные осложнения в делах сами собой разрешатся», и я получу прибыль.

«Ну что ж, – подумала я, – пожалуй, меня устраивает этот ответ». И я ринулась в бой. То бишь подалась в слежку.

* * *

Итак, экипировавшись должным образом и получив все нужные сведения, я уже к вечеру знала об Алине почти все ее маленькие тайны. Например, я узнала, что она поздно просыпается, любит пить кофе по утрам долго и курит много. Потом Алина, если у нее плохое настроение, выходит прогуляться, причем ведет себя спокойно, по магазинам не бежит, иступленно тратя деньги направо и налево, – напротив, мне показалось, что она вообще их тратить если и любит, то не афишируя.

Внешне Алина отличается скромностью, одевается в простую майку и секонд-хэндные джинсы – и явно одинока как перст. Проходили мы с ней по Тарасову около часа, и она благополучно вернулась домой, причем я так и не поняла, чего мы с ней искали.

Все ее прогулки были мной добросовестно сняты на портативную видеокамеру, так что, если б не скучный сюжет, можно было бы попытаться получить какой-нибудь небольшой приз на кинофестивале. Например, если под все это мельтешение кто-нибудь попойет, вполне может быть сделан неплохой клипчик. Так и прошел первый день. Больше Алина на улицу не выходила.

«Жучок», внедренный по моему наущению несчастным супругом, тоже в результате прослушивания ничего не сделал, чтобы помочь мне уличить изменницу во лжи. Изменница, вернувшись, опять долго торчала на кухне с чашкой кофе и сигаретой, по-видимому, листая при этом какое-то печатное издание, потом ее шаги были слышны по направлению скорее всего к ванной, где, судя по долгим звукам льющейся воды, она предавалась невинной усадке водных процедур.

Ей даже никто ни разу не позвонил! Полное одиночество. Видимо, Леля уехала на какие-нибудь Багамы или в деревню к бабушке, поскольку никто мою подследственную своим вниманием не тяготил. Вечером я даже почти решила сдать дела и попросить моего заказчика успокоиться, как вдруг раздался его звонок.

* * *

Она подняла трубку и изменилась в лице.

– Что случилось? – спросила она.

Чернецов напрягся.

– Да, конечно, – сказала она, бросив на него быстрый взгляд, – я попробую... Думаю, он поймет.

Она положила трубку и посмотрела на Андрея.

– Что? – спросил он, пытаясь заставить пересохшие губы двигаться нормально.

– Ничего, – деланно-равнодушно пожала она плечами, – у Лельки, как всегда, неприятности с очередным другом... Теперь она пребывает в истерике и утверждает, что, если я срочно не приеду, она покончит с собой...

Он выдохнул. Что ж, сейчас или никогда. Можно не поверить. Можно закатить истерику. И она не уйдет. Но потом она все равно найдет способ уйти. И поэтому он отпустит ее сейчас.

– Твоя Лелька могла бы сама приехать сюда, – проворчал он, – почему она требует этого от тебя?

– Могла бы, – пожала плечами Алина. – Только... Она сейчас ужасно выглядит. И потом – она, по-моему, боится тебя...

Она закурила сигарету. Сейчас она скажет: «Извини, но я должна ехать».

– Извини, Андрей, – сказала она, убирая глаза за струю дыма, – но мне, кажется, придется исчезнуть. Надеюсь, ты не будешь сердиться.

– Ну, если ты считаешь, что, когда жена исчезает поздно вечером по первому требованию подруги, с которой я даже незнаком, я должен быть спокоен, – пожалуйста, – сказал он и понял, что сделал тон слишком обиженным.

Она взглянула ему в глаза.

– Ты все-таки обиделся, – протянула она. – Хорошо, я не поеду. Мне самой надоело до смерти Лелькины проблемы. Пусть сама их решает.

«У нее это даже неплохо получилось, – отметил он. – Почти естественно. Только маленькие злые огоньки в глазах нетерпеливо пытались вырваться наружу. Что ж, поиграем еще».

– Знаешь, – сказал он, – я вообще думаю, что ты слишком много внимания уделяешь проблемам других. Почему бы тебе не заняться собой?

Она посмотрела на него, округлив глаза.

– Собой? – переспросила она. – А как занимаются собой? Ходят к косметологам и визажистам? Шляются по базарам и бутикам в поисках дорогушей тряпки? Нет уж, давай сразу договоримся – из меня никогда не получится светская львица. А чужими проблемами я занимаюсь, потому что ты пытаешься лишить меня самостоятельности настолько, что даже проблем собственных у меня быть не должно!

Высказавшись, она встала с кресла и прошла в спальню. Еще через секунду она вылетела одетая и рассерженно буркнула:

– Можешь заткнуть скандал. Я все равно уйду к Лельке.

Он вздохнул. Что ж, он не будет закатывать никаких скандалов. Пусть она идет. Может быть, это и к лучшему.

Как только она скрылась в коридоре, он набрал мой номер. Через десять минут я уже следовала за Алиной, которая мирно, ни о чем не подозревая, неслась к самым крутым неприятностям в своей жизни.

* * *

Позвонив, он опять почувствовал, как внутри поднялся холод сомнения. «Бог мой, во что ты превратился, – спросил он себя. – Неужели с возрастом в нас гаснет светлая искра любви и доверия? Неужели свойственная юности порывистая честность исчезает, уступая место подозрительности и страху, граничащим с подлостью?» Теперь он назвал свои поступки. Это действительно было подло – расставлять Алине ловушки. Зачем? Неужели это хоть что-то изменит в лучшую сторону?

Мысль о том, что Алина может узнать, что он следит за ней, повергла его в ужас. Что она скажет? Если она невиновна (а сейчас он поверил, что это именно так, он все придумал, вполне возможно, что ее подруга существует и он внушает ей страх), что тогда?

Не повергнет ли это его жену в ужас?

Он был готов найти Татьяну и потребовать все отменить. Но было уже поздно – он не успеет этого сделать. Сейчас там, в ночи, две женщины идут по городу. Одна – не подозревая, что ее муж настолько гнусен, что нанял сыщицу, а вторая следит за его Алиной...

– Боже, – простонал он, – как это все отвратительно, гадко!

Выйдя на свежий воздух, он почувствовал себя лучше. Вечер уже начал окрашиваться в цвет индиго, который она так любила. Где-то далеко, почти совсем не видная, если не захотеть только ее увидеть, зажглась бледная городская звезда.

Алина вспомнила, как в детстве она любила смотреть в августе на ночное небо в надежде увидеть падающую звезду и верила, что если подставить ладони, то ее можно будет поймать. И тогда загаданное желание исполнится уже на все сто процентов.

Ах как это было давно! Даже похоже на неправду, усмехнулась она печально. Что бы она сейчас загадала, если бы вдруг сказочной фее вздумалось осуществить грезы Алининого детства? Чтобы все кончилось? Чтобы ситуация разрешилась сама собой? Это было невозможно.

Алина вздохнула – будучи большой девочкой, она давно перестала верить в добрых фей.

Андрея ей было нестерпимо жалко – он не виноват, что она перестала его любить. Он не виноват в том, что она снова встретила Его. Просто так получилось.

Когда-нибудь она объяснит ему все. И он поймет. Когда-нибудь. Когда она наберется сил высказаться.

Глава 2

Я следовала за ней, изо всех сил стараясь оставаться незаметной. Впрочем, у меня бы это получилось, даже если бы я продефилировала прямо перед ее носом несколько раз туда и обратно. Она была настолько занята своими мыслями, что не обращала внимания ни на кого, кто встречался ей на дороге.

Итак, мы летели по проспекту в неизвестном направлении, я даже чуть-чуть запыхалась. Немного не доходя до величественной консерватории, похожей скорее на старинный готический замок с привидениями, нежели на вместилище будущих музыкальных звезд, она свернула в подворотню, и мы оказались в старом, замусоренном и вонючем дворе, как в сказке, перенесясь с помпезно расцвеченного огнями проспекта в маленький Гарлем.

Она вбежала в дом – и я осталась в гордом одиночестве. Надо настроить камеру и терпеливо ждать, не ропща на бессмысленное времяпрепровождение.

Где-то вдали слышались голоса и смех, доносясь в мою глухомань нереальными отголосками иной, сверкающей жизни. Здесь же царила полная тишина, изредка нарушаемая только звуком включенного телевизора или собачьим лаем.

Я посмотрела на часы. Они показывали двенадцать. Я торчала здесь уже два часа. Честно говоря, мне это начало надоедать. Но основное требование моей работы – терпение. Поэтому я попыталась, в силу своих возможностей, раствориться во тьме, чтобы остаться необнаруженной, и продолжала ждать. Несмотря на холод, который начал пробирать меня, как щекотка.

Моя подопечная не появлялась. Я уже начала беспокоиться, что она решила заночевать у своей подруги. Кстати, интересно, как эта «подруга» выглядит. Жила-то она хоть и в самом центре Тарасова, но отнюдь не во дворце. Думаю, что очень многие жители здешнего «фешенебельного» района с огромным удовольствием поменялись бы на более отдаленные, но благоустроенные квартиры.

Так, размышляя, я провела еще полчаса. Наконец она появилась. И появилась не одна. Я быстро включила камеру. Уж не знаю, доставит ли тот, кого я дождалась, радость моему клиенту. Но работа есть работа.

Моя камера безжалостно фиксировала все. И счастливый взгляд Алины, направленный на спутника, – ее глаза сияли так, что стало светлей даже в крошечной темноте августовской ночи. И самого спутника, обнимающего Алину за плечи, как будто только он один и имеет все права на подобный жест. Сам он показался мне довольно симпатичным.

Герои моего фильма не подозревали, что их снимают, поэтому были естественны, он взял ее лицо в ладони и что-то шепнул, она рассмеялась. Он улыбнулся на ее смех и бережно коснулся ее губ своими.

«По-моему, – подумала я, – это можно было бы выгодно продать какому-нибудь режиссеру для великолепной любовной сцены». Хотя тот, кто это увидит, вряд ли будет в восторге от такой потрясающе эффектной сцены. Мне стало немного грустно. Во-первых, я себе не нравилась в роли шпионки за страстями. Во-вторых, они были так увлечены друг другом, что мне стало немножко завидно.

Они прошли совсем близко, настолько, что я услышала, как он сказал ей:

– Надеюсь, что у тебя все будет в порядке.

– Да, – вздохнула она, – только нам надо срочно найти какую-нибудь женщину по имени Леля. А где ее взять – ума не приложу.

Он рассмеялся.

Его ответ я не услышала – они уходили. Их фигуры таяли в темноте. Я немного подождала и проследовала за ними. Улицы были уже пусты. Пройдя мимо музея и университетского корпуса, они вышли к остановке. Здесь мы остановились.

Троллейбуса не было. Они начали волноваться, и он стал убеждать ее в чем-то горячо, но она только отрицательно качала головой. Узнать, о чем они спорят, я не могла – для этого мне пришлось бы подойти ближе и, значит, рисковать быть замеченной. Поэтому я предпочитала вести съемки издалека. Хватит и этого.

Чтобы не заскучать окончательно в ожидании троллейбуса, несущего мне освобождение, я начала рассматривать окрестности. На улицах воцарилась тишина. Людей почти не было. Загадочно и таинственно мерцали фонари.

И тогда я увидела эту машину, я сначала не обратила на нее внимания. Машина как машина. «Ауди» темного цвета, то ли синего, то ли черного, – в ночи, как известно, все кошки серы. Она стояла в переулке, потушив фары, и чего-то или кого-то ждала. Теперь мне кажется, что она явно была в засаде, ожидая момента, когда можно будет напасть. Но тогда мне показалось, что водитель просто кого-то ожидает. В ней не было ничего зловещего. Потому что, если в воздухе и носилась тревога, я настолько расслабилась под действием прохладного августовского вечера, что позволила себе недопустимую оплошность не обратить на это никакого внимания.

Троллейбус подошел, они попрощались, и, когда троллейбус проглотил ее тонкую фигуру, он пошел в сторону дома. Я выключила камеру (и это было моим вторым крутым проколом, за который я потом буду клясть себя со страшной силой! Если бы я этого не сделала, все было бы не так...), подумала, что вся моя работа сделана – собранный материал обеспечивал полное беспокойство семьи Чернецовых, – и, заглушив голос совести, объяснив себе и ей, что это моя работа, собралась домой, чтобы позвонить господину Чернецову и передать ему на следующий день все собранные улики о преступной деятельности его супруги.

В это время машина, мирно стоящая до этого момента на месте, вдруг резко взвизгнула и рванула вперед на бешеной скорости.

* * *

Я даже не успела заметить, как это произошло. В воздухе вдруг нарушился покой – знаете, как это бывает, вы испытываете страх, как будто аура всеобщих кошмаров заполняет пространство. Друг Алины лежал на дороге, как тряпичная кукла, раскинув руки, в совершенно идиотской, неестественной позе, словно этой самой кукле рассерженная хозяйка вывернула ноги и руки и бросила из окна.

Наверно, удар был слишком сильный, потому что, когда я подбежала, он уже не подавал признаков жизни. Его глаза остекленели, уставясь в ночное небо с обидой, будто спрашивая: «Как же этакое могло произойти со мной?» Помочь я ему уже ничем не могла. Я сама находилась в шоке, честно говоря – на моих глазах погиб человек, – но отчего-то внезапность этой нелепой смерти выбила меня из уравновешенного состояния. Не помню, как я добрела до таксофона, вызвала милицию и уже не нужную «Скорую», привалилась к стене и закрыла глаза.

Мы были на пустынной улице одни. Он даже не успел крикнуть, и если кто и заметил неладное, то не показал виду. Во-первых, на этой улице почти не было жилых домов, так что некому было даже из окон посмотреть. Я же в данной ситуации не могла помочь никому. Даже самой себе. Если бы у меня хватило мозгов не выключать мою камеру.

* * *

Алина вошла в квартиру тихо. Впрочем, Андрей не спал. Он сидел в кресле одетый, и у Алины создалось впечатление, что он сам только что вернулся.

Она подошла к нему и, посмотрев в глаза, тихо сказала:

– Извини, – и чмокнула его в щеку.

Он, поморщившись, кивнул.

– Ну, – спросил он, нарушив затянувшуюся паузу, – как дела у твоей подруги?

– Как всегда, – пожалала она плечами, – неудачи на личном фронте с огромными душевными потерями...

«Господи, как я устала врать...» – подумала Алина.

«Господи, как я устал от ее вранья», – подумал Андрей.

Оба сделали, однако, вид, что все нормально. Улыбнулись друг другу, и она спросила, не нальет ли он ей чашечку кофе. Он налил, посетовав, что она пьет его слишком много и уж тем паче нельзя пить его на ночь.

– А ты куда-нибудь выходил? – рискнула поинтересоваться она и, заметив, что он напрягся, пояснила: – Просто ты одет как на выход...

– Да так, побродил немного, – признался он.

Она сделала вид, что поверила ему. Хотя в душе шевельнулось что-то неприятное.

В это время зазвонил телефон. Она подняла трубку – это мог быть Михаил. Последнее время он мало заботился об осторожности.

– Алло, – сказала она.

Взволнованный женский голос попросил к телефону ее мужа.

* * *

Факт, что некая женщина поздно ночью желает услышать во что бы то ни стало Андрея, ее несколько напряг. В душе появилось и начинало распоряжаться настроением холодное бешенство.

Она внимательно следила за Андреем. Он был настолько бессовестным, что, услышав этот голос, сначала расплылся в радостной улыбке, от которой Алину начало подташнивать, и протянул: «Да ничего-ничего, Танечка...», потом его лицо начало меняться. Сначала он взглянул на Алину с холодным бешенством, потом лицо Андрея вытянулось, и он растерянно пробормотал: «Да, да... Ужасно... Конечно... Я подъеду...»

Он повесил трубку, вытер пот со лба и, посмотрев на Алину, открыл рот, попытавшись что-то сказать, но устало и безнадежно махнул рукой и, ничего не объяснив, вышел из дома. Она застыла.

Внутри ее, в самой глубине души, появился животный страх. Она почти физически почувствовала – что-то случилось. Что-то странное и страшное. То, чего она ожидала и боялась...

* * *

Он появился в моей квартире ровно через час. Весь этот час я металась, как зверь, запертый в клетке.

Впрочем, я умею заставить себя успокоиться. Просто приказываю себе: «Знаешь, Танюша, радость моя, не можешь справляться с эмоциями – нечего тебе заниматься этим делом. Иди в бухгалтеры». Отчего-то в бухгалтеры мне идти настолько не хочется, что я быстро беру себя в руки. Не то чтобы я что-то имела против этой профессии, но не мое это занятие. Не создана я для экономической деятельности. Слишком у меня нрав живой и веселый. Кроме того, я недолюбливаю деньги – то есть я отношусь к ним с некоторой симпатией, так как они помогают мне жить, но посвящать им все свое время я бы не смогла.

Так что мысль о том, что если я не угомонюсь, то сама себя отправлю в иную сферу деятельности, заставила меня успокоиться, а чтобы время в ожидании Чернецова не тяну-

лось томительно долго, я обратилась к любимому выяснению будущего с помощью магических костей.

Выпало 13+30+44. «Вас порядочно расстроило одно незначительное обстоятельство, которому из-за своей впечатлительности вы придали слишком большое значение».

Да уж. Конечно, когда на твоих глазах сбивают человека, имеющего к тому же отношение к делу, которым ты занимаешься, – это настолько незначительно, что и внимания обращать не стоит, оказывается. То ли они – «магические советчики» – решили выполнить функцию психиатра, что получилось у них несколько неумело, то ли у них не все в порядке сегодня с умственной деятельностью, то ли у меня сегодня не все в порядке с чувством юмора. Ладно. Отставим детские игры и подумаем, поразмыслим.

Во-первых, мавр сделал свое дело, мавр может уходить. То есть я все, что меня просили, уже сделала. Расследованием смерти вследствие дорожно-транспортного происшествия меня никто заниматься не уполномочивал. Значит, не твое это, Танечка, дело, так?

Наверное, не мое. И как бы мне ни не давала покоя мысль о том, что это самое ДТП подстроено и кому-то не хотелось видеть героя Алининого приключения живым, я все-таки уйму собственное любопытство.

Так что все, Танечка, у нас с тобой совсем не плохо. Успокоив себя, я повеселела и обрела способность трезво мыслить.

В это время и появился Чернецов.

* * *

Лицо его было бледнее белого. Он кивнул мне и прошел в комнату. Там он долго пытался справиться с собой, потом резко развернулся в мою сторону от окна, в которое смотрел, беззвучно шевеля губами, и спросил:

– Как это произошло?

Я пожала плечами. Если его интересовало, как произошло, что его жена завела роман с посторонним, я не знаю, не присутствовала при их первой встрече. Увы, я пропустила прелюдию и попала только к финалу.

– Вас интересует, как произошла гибель друга вашей жены? – поинтересовалась я. – Я даже не успела это осознать. Относительно же интересующих вас материалов – вот они. – Я протянула ему пакет с видеокассетой, фотографиями и записями разговоров.

– Боюсь, интерес здесь представляет только видеокассета, – сказала я, – остальное – исключительно прогулки Алины в одиночестве.

Он кивнул и взял пакет. Достав видеокассету, он взглянул на нее, как на скорпиона, готовящегося ужалить.

Потом, вспомнив, сказал:

– Ах да...

И он протянул мой гонорар. Я кивнула. Не знаю, много ли счастья принесла ему моя деятельность. Иногда неведение лучше. Тем более когда все так печально завершается. Моя работа была выполнена, а смотреть на ее результаты мне не хотелось. И хотя спать уже не было смысла – за окнами начинал светлеть мрак, свидетельствуя о скором приближении утра, – мне все же отчаянно хотелось заснуть.

Поэтому я попросила у него прощения за то, что побеспокоила его так поздно, и сделала все возможное, чтобы он понял, что утешать его я не намерена и делать ему в моем доме, увы, больше нечего.

Он это понял и вежливо откланялся.

Когда за ним закрылась дверь, я облегченно вздохнула. В мире вокруг меня воцарились тишина и покой. Я погружалась в них, освобождаясь от ненужных и неприятных воспомина-

ний о теле, брошенном поперек дороги страшной силой, я ставила точку там, где нужно было поставить запятую. Но сейчас я вспомнила спасительную формулу Скарлетт О'Хара: «Я подумаю об этом завтра».

Сегодня мне нужно хотя бы два часа сна.

Глава 3

Алина налила кофе в чашку и открыла газету. На кухне царил безупречный порядок, несвойственный ее натуре. Просто вчерашний скандал заставил ее забыть в уборке.

Бессонная ночь выдавала себя кругами под глазами. Пальцы немного дрожали. Он вернулся под утро и сначала долго молчал, а потом включил видеомэгнитофон.

Он молчал и потом, когда кричала Алина. Потому что, оказывается, он следил за ней. Оказывается, она, как в дешевых романах, была пошло и банально выслежена. Ее любовь превратилась в отвратительно глупую и банальную интрижку благодаря его грязному вмешательству. А он, виновник всего этого, не сказал ни слова. Как будто стал немым. Правда, в один момент, неуловимый и быстрый, он взглянул на нее, и ей показалось, что он хотел что-то сказать, но сдержался. Остановил себя усилием воли, в его глазах мелькнула жалость, и эта жалость разозлила Алину еще сильнее.

Утром он как ни в чем не бывало поцеловал ее на прощанье и ушел на работу. И теперь она, немного успокоившись, решила отвлечь себя хотя бы чтением идиотской газеты.

Усмехнувшись тому, что от истерики она готова спастись столь нетипичным для нее занятием, она раскрыла газету и остолбенела.

С последней страницы, обведенный в траурную рамку, ей улыбался Михаил. Чашка выпала из ее рук, она даже не заметила, что кофе довольно сильно обжег ее, что на платье расплывается коричневое неотстирываемое пятно.

Она только посмотрела на это пятно растерянно, и именно из-за этого пятна по ее щекам поползли крупные слезы.

Все закончилось. Ее жизнь больше никогда не будет наполнена смыслом. И это чертово пятно никогда не отстирается.

* * *

Она долго сидела, не меняя позы, потом встала и набрала его номер. Как будто надеялась, что это обычная газетная «утка». Сейчас он подойдет к телефону. А если его нет, подойдет кто-нибудь из художников. И скажет ей, что Михаил вышел выпить кофе. Или еще куда-нибудь. Трубку действительно взяли. Но когда она попросила позвать Михаила, сначала долго молчали, а потом тихо сказали:

– Разве вы не знаете? Он погиб сегодня ночью. Его сбила машина.

Она очень тихо сказала: «Извините». Повесила трубку. Почему-то ей вспомнилось, что, когда она пришла домой, Андрей был одет. Он явно выходил. И он... Следил за ними... Ужасная мысль холодом прошла от самого мозга до пят, заставляя все тело содрогнуться от кошмара.

– Это он... – сказала она неизвестно кому, глядя в пустоту потухшими глазами, – это Андрей убил его...

И, сжав руки в кулаки, закричала, как обычная деревенская баба, громко и зло:

– Это Андрей убил Михаила!

* * *

Звонок разбудил меня со свойственной моему телефону жестокой безжалостностью. Я открыла глаза. Впрочем, иногда открыть глаза еще не значит проснуться. Поэтому я бы не сказала, что уже готова к подвигам нового дня. Для этого мне еще не мешало бы умыться ледя-

ной водой, выпить чашку наикрепчайшего кофе, вот тогда я начну с большей уверенностью передвигаться в пространстве.

Трубку я все же подняла. И услышала:

– Алло, Таня?

– Да, я слушаю, – пробормотала я, делая вид, что проснулась уже давно, просто чем-то занята.

– Это говорит Чернецов. Ради Бога, Танечка, извините, но мне необходимо с вами встретиться.

Его голос выдавал, что он находится в состоянии истерики. Что-то случилось, хотя с ним, бедным, и так случилась масса неприятностей.

– Хорошо, – согласилась я довольно необдуманно, поскольку опять позволила эмоциям победить разум – честно говоря, мне стало его до невыносимости жалко.

– Я подъеду к вам через полчаса, – выдохнул он облегченно.

«Да, – подумала я, – если меня не скосит гангстерская пуля, то уж непременно сгубит доброта». Что-то с этой самой добротой надо было делать. Поскольку иногда именно она мешала мне хотя бы какой-то период времени пожить спокойно.

* * *

Если при нашей первой встрече он поразил меня неуверенностью в себе, то теперь он и вовсе походил на загнанную дичь. Он влетел в мою комнату с таким видом, будто за ним гонится стая гончих псов. Плюхнувшись со всего размаха в кресло, он обхватил голову руками и простонал:

– Что мне делать, Таня?

Ей-Богу, я не знала, что ему делать. Можно было, конечно, отсоветовать ему обратиться к трудам классиков с попыткой найти там ответ. Но, как я поняла из уроков литературы, классики и сами особенно не знали толком, что делать. А вечный совет моей бабушки, что надо «снять штаны и бегать», был несколько неуместен в свете происходящих вокруг нас событий.

Поэтому мне не оставалось ничего, кроме как пожать плечами и участливо поинтересоваться, что случилось с моим гостем такого, чего он никак не мог предвидеть.

– Она обвиняет меня в том, что я убил Михаила, – простонал он, не отнимая от лица рук, – она считает, что я задавил его. Понимаете?

Я поняла. Ситуация действительно выглядела отвратительной. Тем более что он вполне мог быть подозреваем в этом.

Во-первых, он запросто мог проследовать за нами и, подождав некоторое время, нанести удар. Поскольку у него имелся мотив, то вполне логично было заподозрить его в убийстве.

Во-вторых... Впрочем, все предположения разбивались об одно доказательство его невиновности – он знал, что за его женой следят. А это значило, что если бы он и хотел убить, не стал бы вызывать меня, а выследил бы все один, зачем ему лишние свидетели?

Человек, сбивший Михаила, не знал, что их видят. В состоянии аффекта он тоже не находился, так как все было рассчитано до мелочей. И выполнено с таким самообладанием, что оставалось только позавидовать.

Кажется, он плакал. Тихонечко и по-детски. Вернее, по-щенячьи поскуливая. Я сделала вид, что не заметила этого.

– Извините, – прошептал он, – просто столько всего навалилось...

– Ничего, – кивнула я ему ободряюще, – только нам с вами некогда заниматься плачем Ярославны. Давайте постараемся все проанализировать.

– Хорошо, – сказал он. – Вы ведь мне поможете, Таня?

Ну что я могла поделать? Передо мной сидел отчаявшийся, постаревший человек, и, как ни крути, помочь ему могла только я – мне пришлось согласиться на дальнейшее расследование.

* * *

Конечно, первым делом я попыталась связаться с Алиной. После моих долгих телефонных уговоров она все-таки разрешила мне приехать. Чернецов поведал ей, что нанял меня для расследования. Это было глупостью с его стороны, поскольку Алина была довольно умной и быстро смекнула, что именно я и являюсь той «сволочью», которая подглядывала за ней в дверную щелку по просьбе ее мужа.

Вполне естественно, что я не вызвала у нее симпатии. Холодная приветливость Алины убивала наповал, выглядело это примерно так: «Я, конечно, поговорю с вами из вежливости, но не рассчитывайте на многое».

Я сделала несколько попыток добиться хоть какого-то контакта, но все было тщетно. Фактически Алинино поведение говорило об отказе разговаривать. На все интересующие меня вопросы она или отвечала, сжав зубы, односложно и не очень внятно, или просто пожимала плечами. Наконец ей прискучила эта игра, и она совершенно невежливо встала, всем видом показывая мне, что аудиенция закончена.

И все-таки мне удалось узнать пусть немного, но кое-что полезное. Во-первых, я узнала адрес жены Михаила. Во-вторых, крайне нелюбезно, но все-таки Алина сказала, что последнее время он чего-то очень опасался. Она даже рекомендовала ему обратиться к психоаналитику, но он сказал, что это здесь ни при чем – просто ранее он ввязался в историю... Тут он оборвал речь на полуслове, и больше они к этому не возвращались.

Про историю их отношений она отказалась особенно распространяться, но я поняла, что они вместе учились в художественном училище, влюбились, но не поженились, а даже наоборот – поссорились, причем так глупо, как это свойственно только очень молодым и горячим натурам.

Предлог для ссоры был из серии «ты меня не понимаешь» и перерос в глобальный конфликт так незаметно и прочно, что бедный Михаил с горя сел на иглу, в чем ему очень помогла его нынешняя супруга, работавшая медсестрой и питавшая к нему пламенную страсть, позже он на ней женился. Алина тоже вышла замуж, и они очень долго друг друга не видели. Встретились случайно, на какой-то выставке. И прежняя любовь вспыхнула с новой, еще более сокрушительной силой.

Обычная история. Таких много.

Так что, вытянув клещами из Алины все, что можно, я отправилась дальше. А именно – к той самой супруге Михаила.

* * *

Я вошла в изрядно заплеванный подъезд, в очередной раз порадовавшись, что в моем доме нет мусоропровода. Потому что в этом доме он был, о чем свидетельствовали горы мусора на каждом этаже, и от запахов, царящих здесь, можно было навечно потерять аппетит. В лифте, призванном отвезти меня на требуемый девятый этаж, тоже было муторно находиться. Во-первых, наши лифты уже давно используются исключительно как общественные туалеты, а во-вторых, они почему-то так дребезжат и скрипят, что сразу становится страшно, что сейчас ты либо застрянешь между пятым и четвертым этажами и окажешься замурованным и вынужденным терпеть зловоние довольно долгое время, либо и вовсе полетишь вместе с лифтом в шахту, не успев ни с кем попрощаться.

Поэтому, когда он все же остановился со страшным шипением, заставившим меня заподозрить, что это еще не все, может быть, он решил взорваться напоследок, я вздохнула с облегчением. Злодейский лифт распахнул свою утробу, и я оказалась временно для него недостижима.

Отыскав взглядом нужную мне дверь, я направилась к ней.

* * *

Лена Полянова до недавнего времени старательно производила вид очень счастливой и благоустроенной женщины. Внезапная смерть мужа разозлила ее так же, как все, что он последнее время делал, будто нарочно стремясь лишить ее столь тщательно выработанного имиджа.

Имидж для Лены был важнее всего на свете. Именно из-за него она когда-то вышла за Михаила замуж – как раз в стране вовсю шла перестройка, и в моде были музыканты, художники и прочие неформалы. Михаил на роль неформала идеально подходил, в ту пору носил волосы ниже плеч и хранил во взгляде ницшеанскую отрешенность. Правда, когда они познакомились, он сходил с ума от своей столь же неформальной однокурсницы, и первое время Лене приходилось выслушивать долгие откровения по поводу космической страсти к «единственной женщине, которая заслуживает поклонения». К счастью, «единственная женщина» очень скоро отошла в разряд воспоминаний юности – не без стараний умненькой Лены, сумевшей тактично объяснить Михаилу, что толку от подобных женщин в жизни мало, одни неприятности, причем она сумела восстановить Михаила против предмета его воздыханий, неумеренно восхищаясь этим предметом, не забывая при этом намекнуть, что эта женщина просто не понимает богатства души Михаила, всем своим видом показывая, что уж Лена-то в состоянии оценить Михаила по достоинству.

Очень скоро деятельность ее принесла результаты – Михаил и Алина поссорились именно на почве непонимания, и Михаил сначала ходил гордый собой, а потом... Поняв, что ссора явно затянулась и Алина даже не собирается появиться перед его очами, он начал метаться по жизни в попытках найти забвение от обрушившегося на него горя. Услужливая Лена и здесь ему помогла – благо что работала она в психиатрической клинике медсестрой, – и в жизни Михаила появились так называемые «колеса», завершившие Ленины труды по распаду личности. Уже через год Михаил был раздавлен и готов на все. Лена взяла его за руку и, намекнув, что как-то раз он обещал на ней жениться, отвела его в загс, где их замечательный союз был скреплен, причем Михаил был вполне доволен, поскольку Лена казалась ему свободной эмансипированной женщиной. Правда, на свадьбе, устроенной Лениными родственниками, он всплакнул, вспомнив об Алине, и сравнил ее и Лену не в пользу последней – но поезд ушел.

Через очень короткое время Лена сообщила, что беременна, с «колесами» было покончено, а в жизни Михаила появилась прелестная девочка, существование которой Михаил оценил как Божий дар, а Елена на время была приравнена к Богородице.

Какое-то время он был счастлив. Только Елену его счастье не обрадовало. Во-первых, Елена была отодвинута на второй план, а это ее не устраивало. Она и так уже натерпелась от Алины, и теперь то, что появилась такая женщина (пусть даже ее собственная дочь), занявшая все воображение Михаила, доводило ее до иступления.

Елена стала очень раздражительной. Кроме того, перестройка закончилась, а вместе с ней в небытие отошла и мода на интеллигенцию. Явились новые «герои», с экранов понеслась музыка «гоп-стоп», и на сцену уверенным шагом вышел отряд уголовной гопоты. Связывать себя с ними Елене, конечно же, не хотелось, и она погрузилась в уныние. Денег не хватало, картины никто не покупал, и Михаил, вспомнив о давнем увлечении камнями и витражами, отправился переучиваться на художника-ювелира. Вскоре дело пошло, Михаил добился

определенных успехов и с удивлением обнаружил, что обретенная им профессия вполне обеспечивает не только кусок хлеба с маслом, но и растущие запросы его супруги. К моменту, когда гопота такими уверенными шагами покинула авансцену, уступив место хитреньким и умненьким мальчикам-юристам, Михаил уже вовсю трудился над огранкой алмазов для местной фирмы и временами получал за это огромные деньги – поскольку и гопота, и юристы почему-то питали к бриллиантам слабость.

Естественно, за все это он должен был быть благодарен именно Елене. Ведь это она сделала все, чтобы устроить своего безнадежно романтического мужа в ряды «передовиков». Конечно, все это делалось, чтобы Елене жилось не хуже, чем другим. Быть женой аутсайдера не входило в ее имидж.

Надо сказать, что Елена добилась огромных успехов во взаимоотношениях с Михаилом. Он очень скоро оказался под ее каблуком настолько, что даже почти разучился сам что-либо обдумывать. Например, его жена, как только не находит в ком-либо рабского восхищения собой, тут же объявляет, что этот человек не понимает Михаила. Именно так были разрушены все отношения Михаила с матерью и сестрой, которую до этого Михаил обожал и которая на него оказывала довольно сильное влияние. Это влияние Елену и злило больше всего. Путем кропотливой психологической работы сестра была изгнана из Михайловой жизни, и в семье воцарились необходимые Елениному имиджу мир и покой.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.